

Эпоха

стеклянных кукол

Дарья Боровкова

Эпоха стеклянных кукол

<https://litres.ru/74136519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцатилетняя жертва многолетнего семейного абьюза сбегает из дома после того, как садист-отец выгоняет её на улицу по ложному обвинению сестры. Найдя защиту у самого влиятельного бизнесмена страны, она готовится стать матерью, но внезапно узнает о тайном наследстве убитой матери, превращаясь из мишени для издевательств в главную угрозу для убийц, готовых пойти на похищение младенца ради возвращения своих миллионов.

Содержание

Глава 1. Температура кипения	4
Глава 2. Геометрия страха	8
Глава 3. Слепые зоны	15
Глава 4. Архитектура лжи	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дарья Боровкова

Эпоха стеклянных кукол

Глава 1. Температура кипения

В десять лет Мин Юй поняла, что тишина может быть тяжелой. В их доме в закрытой элитной зоне Шанхая она весила несколько тонн — ровно столько же, сколько мраморная столешница на кухне. Тишина наступила в ту секунду, когда щелкнул электронный замок главной двери, отрезая маму от спасения.

Мать стояла у кухонного острова. На ней было шелковое платье цвета чайной розы, которое отец подарил ей на прошлый день рождения. Сейчас ткань была порвана на плече.

— Суй, пожалуйста, — голос матери дрожал, но оставался ровным. Так учат говорить жен высокопоставленных чиновников перед камерами журналистов. — Давай просто поговорим. Это всего лишь деньги твоего деда. Они принадлежат Юй.

Мин Суй даже не повернул головы. Он методично разбирал свой Glock-17 на барной стойке. Движения были плавными, почти медитативными. От него пахло морозной свежестью дорогого парфюма и раскаленным металлом. Фарфоровые виныры блеснули в тусклом свете встроенных ламп.

— Деньги любят дисциплину, Лин. А твоя мать оставила нам долги. Я восстанавливаю справедливость.

Тан Цзыци сидела на диване в гостиной, закинув ногу на ногу. Ее искусственно-голубые линзы равнодушно следили за происходящим. Она медленно водила нефритовым гуаша-массажером по своим острым коленям, словно смотрела скучную телепередачу. Рядом с ней сжалась в комок одиннадцатилетняя Сиси, жуя резинку с запахом клубники.

Мин Юй выглядывала из-за перил второго этажа. Она знала правила этого дома: если отец надел перчатки, нужно молчать. Но мама сегодня забыла про правила. Она бросилась к мужу, пытаясь перехватить руку с пистолетом.

Первый выстрел прозвучал глухо — звук утонул в плотном ковре. Мать упала на колени, прижимая руки к животу. Кровь быстро пропитывала розовый шелк, превращая его в темно-вишневый.

— Беги, Юй! — прохрипела мать, глядя прямо вверх, сквозь лестничные пролеты, прямо в глаза дочери.

Второй выстрел стал концом звука. Голова матери дернулась, и она осела на пол бесформенной грудой. В этот момент селективный мутизм впервые сковал горло Мин Юй ледяным ошейником. Она хотела закричать, но издала только тихий сип. Воздух застрял где-то между легкими и зубами. Сиси громко хихикнула снизу:

— Папочка, она испачкала твой любимый паркет. Можно я возьму её помаду? Цвет красивый.

Цзыци лениво поднялась, оправляя идеальное каре. Она подошла к телу, брезгливо перешагнула через растекающуюся лужу и взяла со стола телефон.

— Полиция будет здесь через семь минут, — сказала она отцу. — Успеешь принять душ и сменить рубашку. Синяки мы объясним тем, что она поскользнулась на лестнице, а потом у нее прихватило сердце от горя. Хороший сценарий.

Мин Сюй кивнул. Он посмотрел на свои идеально чистые руки, затем перевел взгляд вверх. Его темные, липкие глаза нашли дочь на балконе. Он улыбнулся той самой широкой улыбкой, которая никогда не затрагивала глаз, и приложил палец к губам. Жест означал абсолютную власть. *Я вижу тебя. И никто тебе не поможет.*

Мин Юй отпустила перила. Ноги подкосились, и она рухнула на дубовые доски пола, чувствуя, как осколки ее прежней жизни рассыпаются вокруг с хрустальным звоном.

Спустя неделю дом пах дезинфицирующим средством и лилиями. Отец спустился по лестнице, держа за руку Сиси. Девочка весело болтала ногами. Следом шла Тан Цзыци. Юй сидела на нижней ступеньке, сжимая в кармане свитера старую музыкальную шкатулку матери. Механизм давно сломался, но девочка продолжала крутить ручку, слушая сухую пустоту внутри.

— Собирайся, — бросил Мин Сюй, даже не взглянув на дочь. — Мы едем ужинать.

— Куда? — прошептала Юй. Горло саднило от недельного

молчания.

— Домой, — ухмыльнулся отец. — Теперь это наш общий дом. Познакомься, Юй. Это твоя новая мама, Цзыци. А это твоя сестренка, Сиси. Ты ведь всегда мечтала о сестре?

Сиси сделала неуклюжий реверанс, едва не потеряв равновесие.

— Привет, сирота, — пропела она высоким, кукольным голосом. — Надеюсь, ты не будешь плакать по ночам? Мой папа любит спать в полной тишине.

Тан Цзыци наклонилась к Юй. Резкий запах цветочных духов заставил девочку зажмуриться. Мачеха провела холодным пальцем по щеке падчерицы.

— Не смей смотреть на меня своими коровьими глазами, — тихо произнесла она.

— В этом доме нет места для детей от прошлых браков. Если хочешь остаться, научись быть невидимой. Поняла?

Юй судорожно кивнула. Камера видеонаблюдения в углу холла моргнула красным огоньком, фиксируя покорность новой узницы. Эпоха стеклянных кукол начиналась именно сейчас — эпоха, в которой прозрачность стен означала лишь то, что мучителям удобнее наблюдать за твоей болью.

Глава 2. Геометрия страха

Десять лет спустя Мин Юй знала точную геометрию своего дома наизусть, но никогда не видела его целиком. Особняк в закрытой зоне Шанхая состоял из стекла и холодного матового бетона. Отец называл это «архитектурой абсолютной честности». Для Юй это была тюрьма с прозрачными стенами. В каждой комнате — от огромной кухни до её крошечной спальни без окон — под самым потолком мигал красный диод камеры наблюдения. Всего сорок две точки контроля.

Она считала их каждую ночь, когда бессонница скручивала живот холодным узлом.

Селективный мутизм стал её второй кожей. С тех пор как мать упала на розовый шелк, слова застревали в горле плотным комом всякий раз, когда отец входил в комнату. Её голосовые связки словно помнили тяжесть его взгляда. Поэтому она научилась общаться звуками: коротким кивком, шуршанием одежды или скрипом паркета. Этого было достаточно для передачи базовых команд вроде «ужин готов» или «я закончила уборку».

Тан Цзыци правила этим стеклом железной рукой, замаскированной под нефритовым гуаша-массажером.

— Ты опять сутулишься, — мачеха перехватила Юй в коридоре второго этажа. От неё пахло озоном и дорогим парфюмом отца. — Люди подумают, что мы держим тебя впро-

голодь. Хотя... так оно и есть, верно? Посмотри на свои ключицы. Они торчат, как вешалка.

Цзыци больно ткнула массажером в солнечное сплетение падчерицы.

— Поднимись к себе. И переоденься. Сегодня годовщина смерти твоей матери. Мы ждем гостей. Не смей портить мне вечер своим траурным лицом. Улыбнись отцу, когда он спустится. Покажи ему, какая ты благодарная дочь.

Юй втянула голову в плечи, пряча запястья. Шрам от ожога кипятком десятилетней давности сегодня горел сильнее обычного — фантомное напоминание о том дне, когда Цзыци «случайно» пролила чайник ей на руку за то, что девочка взяла со стола лишний кубик сахара. Ожог был идеальным кругом, похожим на клеймо.

Гости начали съезжаться к семи вечера. Это были партнеры отца по логистическому бизнесу — такие же гладкие, лоснящиеся мужчины в костюмах, которые стоили больше, чем годовая аренда квартиры в центре города. Мин Сюй встречал их у входа своей фирменной улыбкой, обнажающей идеальные вениры. Он хлопал мужчин по плечам, жал руки и источал аромат морозной свежести. Камеры транслировали эту идиллию на экраны в его личном кабинете.

Мин Сиси крутилась рядом с отцом, сверкая платиновыми волосами. На ней было платье цвета фуксии, едва прикрывающее бедра. Каждый раз, когда кто-то из бизнесменов смотрел на нее слишком долго, Сиси картинно закатывала

глаза и прижималась к отцовскому боку, демонстрируя владение территорией.

— Моя маленькая принцесса, — умилился Суй, целуя дочь в лоб. Затем его взгляд скользнул вверх по лестнице, где стояла Юй. — А вот и наша Золушка. Юй, детка, иди сюда. Принеси нам еще льда. Юй спустилась по ступеням. Движения были выверенными годами практики: шаги бесшумные, спина сгорбленная, чтобы занимать как можно меньше визуального пространства. Массивные ботинки-луноходы скрывали тонкие лодыжки. Бесформенный серый свитер висел мешком, стирая талию. Она подошла к барной стойке, стараясь держаться спиной к камерам.

Когда она наклонилась над серебряным ведром со льдом, ледяной осколок впился в палец. Боль была острой, настоящей. Юй инстинктивно дернулась и задела локтем край стойки. Раздался тихий звон — один из тяжелых хрустальных бокалов покачнулся и упал на мраморный пол.

Время замедлилось. Звук разбившегося хрусталя в наступившей паузе между анекдотами прозвучал как выстрел.

В зале повисла тишина. Сорок пар глаз уставились на девушку. Тан Цзыци медленно поставила свой недопитый martini на стол. Ее голубые линзы потемнели от ярости.

— Неряха, — прошипела она так тихо, что слышала только Юй. Мин Суй перестал смеяться. Его лицо, секунду назад лучившееся радушием, превратилось в гипсовую маску. Он встал. Медленно, давая гостям насладиться момен-

том правосудия. Фарфоровые зубы обнажились в ухмылке, которая снова не коснулась его глаз.

— Юй, — позвал он голосом, сладким, как яд. — Что это сейчас было?

Девушка открыла рот. Горло свело спазмом. Она попыталась выдавить извинение, показать жестом, что все уберет, но легкие отказывались качать воздух. Селективный мутизм сковал ее надежнее любых наручников. Она лишь судорожно сглотнула, прижав порезанный палец к груди.

— Язык проглотила? — Сюй подошел вплотную. Несмотря на начинающий оплывать живот, он нависал над дочерью скалой. От него веяло холодом кондиционера и властью. — Ты хоть представляешь, сколько стоит этот бокал? Венеция. Ручная работа. Ему двести лет. Он схватил ее за подбородок костлявыми пальцами, заставляя поднять голову. — Смотри на меня, — приказал он. — Смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю.

Взгляд Юй метнулся выше, упираясь в черный зрачок скрытой камеры под потолком. Красный диод моргнул, фиксируя её унижение. *Только не плакать*, — мысленно умоляла она себя. Слезы означали бы слабость, а слабых в этом доме перемалывали в пыль.

— Папа, пусть она вытрет, — капризно протянула Сиси, облизывая ложку с десертом. — Весь пол мокрый, мои туфли испортятся.

Сюй отпустил подбородок дочери и брезгливо вытер паль-

цы о носовой платок.

— В подвал, — бросил он. — Живо. Никаких ужинов неделю. Будешь сидеть на воде и хлебе, пока не научишься уважать вещи в этом доме. Иними эти ужасные ботинки. Ходи босиком, может, тогда начнешь чувствовать землю под ногами.

Юй попятилась. Спиной вперед она вышла из гостиной, чувствуя затылком липкие взгляды гостей. Никто из них не вступился. Логистический бизнес семьи Мин процветал благодаря закрытым глазам окружающих.

Она бежала вниз по черной лестнице для прислуги. Сердце колотилось где-то в глотке. Добравшись до своей комнаты — тесной каморки под самой крышей, куда даже сигнал Wi-Fi доходил с перебоями, — она рухнула на матрас прямо на полу. Здесь камер не было. Отец считал ниже своего достоинства следить за тем, как спит пустое место. Но стены были тонкими. Юй прижалась ухом к штукатурке, отделявшей её от гостевой спальни. Там, прямо над её головой, уже слышался ритмичный скрип кровати и приглушенный смех Сиси. Гости развлекались.

Палец кровоточил. Юй посмотрела на свою левую руку. Внутренняя сторона запястья была покрыта сетью старых белесых рубцов. Она достала из-под подушки моток эластичного бинта и туго перетянула кисть. Бинт мгновенно начал пропитываться красным. Зазвонил телефон. Старый кнопочный аппарат, который она прятала в щели за плинтусом.

Экран высветил неизвестный номер. Юй замерла. Кто мог знать этот номер? Отец ежемесячно проверял её контакты через провайдера. Она нажала кнопку ответа и прижала динамик к губам, боясь, что даже дыхание выдаст её присутствие.

— Алло, — выдохнула она беззвучно, одними легкими.

— Госпожа Мин? — раздался в трубке глубокий, спокойный мужской баритон. Голос звучал так близко, будто говорящий стоял в той же комнате. В нем не было ни капли суеты шанхайского мегаполиса. — Меня зовут Гу Хао. Кажется, мой автомобиль случайно заблокировал выезд вашей машины из переулка возле вашего дома. Я вижу вас через стекло. Вы сидите на заднем сиденье. Почему вы плачете?

Юй резко села. Кровь отхлынула от лица. Её машина — старый электромобиль эконом-класса, выданный отцом три года назад "для самостоятельности", хотя GPS-трекер всегда показывал её местоположение — действительно стояла в глухом тупике в километре от особняка. Место, где она пряталась последние два часа, пытаясь успокоить пульс. Но улица была пустой. Ни фар, ни силуэтов. Только холодный свет уличных фонарей отражался в лужах.

— Кто это? — прошептала она в микрофон. Селективный мутизм отступил перед первобытным страхом того, что её нашли. — Как вы...

— Мои люди везде, Юй, — мягко перебил голос. — Включая те красные огоньки под потолком твоего уютного стек-

лянного гнезда. Твой отец думает, что контролирует всё. Но слепые зоны есть даже у бога логистики. Выходи из машины. Черный седан на другой стороне улицы. Водитель ответит тебя туда, где стекло не умеет резать.

Связь оборвалась. Мин Юй смотрела на погасший экран телефона. Страх боролся внутри с чем-то новым, чему она не могла дать названия. Возможно, это была надежда. Или просто отчаяние человека, которому нечего терять, кроме бетонных стен. Она встала. Босые ноги коснулись ледяного пола чердака. Впервые за десять лет она сделала шаг не потому, что ей приказали, а потому, что этого захотела сама. Эпоха стеклянных кукол дала первую трещину.

Глава 3. Слепые зоны

Водитель не произнес ни слова за всю дорогу. Он был одет в строгий черный костюм, а его профиль казался высеченным из камня — такие лица Юй видела на старых плакатах Народно-освободительной армии Китая. Машина шла по эстакаде мягко, почти бесшумно, но скорость ощущалась физически: город за тонированным стеклом превратился в смазанную полосу неоновых огней. Они миновали сверкающий фасад района Пудун и нырнули в лабиринт старого города, где между небоскребами ютились тесные улочки с сохнувшим бельем. Наконец седан въехал в подземный паркинг элитного жилого комплекса «Бунд Гранд». Двери лифта здесь открывались прямо в пентхаус.

Квартира Гу Хао пахла иначе, чем дом отца. Там царил запах стерильности, озона и страха. Здесь же пахло старым деревом, дорогим табаком, хотя никто при ней не курил, и дождем. Никакого стекла. Стены были отделаны темным орехом и матовым черным камнем. Огромные окна закрывали тяжелые льняные шторы цвета графита. Это было первое помещение за десять лет, где Юй не чувствовала на себе взгляда красной линзы камеры.

— Разденься, — голос Гу Хао прозвучал сзади ровно и тихо. Юй вздрогнула всем телом. Селективный мутизм ударил ледяной волной, перехватив дыхание. Она резко оберну-

лась. Сердце пропустило удар, готовое провалиться куда-то в желудок.

Гу Хао стоял в дверном проеме ведущей в спальню. На нем была простая черная водолазка из тонкого кашемира, заправленная в брюки. Идеальная осанка военного делала его фигуру обманчиво расслабленной, но воздух вокруг него казался наэлектризованным. В полумраке пентхауса его темно-карие глаза казались абсолютно черными, поглощающими свет.

Он сделал шаг вперед. Свет упал на его лицо, обнажив старый, давно сросшийся перелом на переносице и жесткую линию челюсти. Красота этого мужчины пугала своей хищностью. От него веяло той же властью, что и от отца, но она была другой — холодной, первобытной, как у матерого тигра, которому не нужно скалить зубы, чтобы стадо разбежалось.

— Я должен осмотреть ожог, — пояснил он, заметив панику в её глазах. Его взгляд скользнул ниже, к забинтованной руке девушки. — И порез. Ты потеряла много крови, пока сидела в машине. Твой отец экономит на кондиционерах даже для слуг? Упоминание отца заставило Юй инстинктивно сжаться, но упоминание крови отрезвило её. Она действительно чувствовала слабость. Голова кружилась, а края зрения начали темнеть.

Она медленно стянула через голову огромный серый свитер. Массивные ботинки глухо стукнули о паркет, когда

она переступила через штанины мешковатых джинсов. Под одеждой оказалось угловатое, истощенное тело подростка, так и не оформившееся во взрослое из-за хронического стресса и недоедания. Ребра выпирали под бледной кожей, плечи были неестественно приподняты к ушам.

Гу Хао подошел вплотную. Он двигался совершенно беззвучно. Юй почувствовала себя обнаженной дважды: сначала без одежды, а затем под этим тяжелым сканирующим взглядом, который видел каждую родинку, каждый синяк, каждое свидетельство десяти лет домашнего террора. Ей захотелось прикрыть шрам на запястье, но руки словно примерзли к бокам.

— Не бойся, — он взял её ладонь. Металла на его руках действительно не было — кожа встретилась с кожей. Теплой, сухой. — Я не причиню тебе вреда. Наклони голову.

Он осмотрел место пореза на пальце, профессионально обработал его антисептиком из аптечки и наложил хирургический пластырь. Его касания были точными, почти медицинскими, лишёнными всякого намека на интимность, но само внимание к такой мелочи шокировало Юй. Отец замечал её только тогда, когда она совершала ошибку.

Затем Гу Хао аккуратно размотал пропитанный кровью бинт на запястье. Белесый рубец от ожога десятилетней давности выглядел воспалённым.

— Цзыци? — спросил он, не поднимая глаз. В его голосе впервые проскользнуло нечто похожее на презрение. — Или

Мин Сиси со своими когтями?

— Кипяток, — хрипло выдавила Юй. Горло болело от долгого молчания, звук получился каркающим, чужим. Первое слово за вечер далось ей физической болью.

Гу Хао замер. Его черные глаза поднялись и встретились с её прозрачными карими. Взгляд перестал быть сканирующим. Теперь он просто смотрел, тяжело и внимательно, словно взвешивая что-то на невидимых весах.

— Садись, — приказал он уже мягче, указывая на низкий кожаный диван.

Когда она опустилась на подушки, ноги окончательно отказались держать её. Мир накренился. Гу Хао успел подставить руку, прежде чем девушка завалилась набок. Он легко поднял её невесомое тело и понес вглубь квартиры. Спальня оказалась единственным местом в пентхаусе, которое нарушало общую эстетику минимализма. Вместо стеклянных тумбочек и бетонного пола — массивная кровать из черного дерева, застеленная простым белым хлопком. Никаких зеркал на потолке, никаких скрытых панелей. Только плотные шторы-блэкаут.

Гу Хао уложил Юй на постель и укрыл тяжелым шерстяным пледом. — У тебя гипотермия, — констатировал он, трогая её лоб тыльной стороной ладони. — Температура тридцать пять и два. Организм отключает периферию, чтобы спасти мозг. Сколько дней ты нормально спала?

Юй подтянула колени к груди, сворачиваясь клубком под

спасительным весом одеяла. Шерсть колола кожу, но это ощущение казалось живым, настоящим.

— Не помню, — прошептала она в подушку.

Гу Хао сел в кресло рядом. В темноте комнаты его силуэт напоминал изваяние. Он долго молчал, давая тишине заполнить пространство. Эта тишина не давила, как дома; она обволакивала, лечила истерзанные нервы.

— Твой телефон прослушивается, — наконец сказал он. — Как и машина. Камеры в доме пишут всё, включая звуки, хотя твой отец делает вид, что микрофоны сломаны. Он знает, что ты сбежала. Сейчас они обыскивают морги и полицейские участки Шанхая. Но меня там нет.

— Кто... вы? — Юй смотрела на него сквозь спутанные пряди русых волос. Впервые за долгие годы кто-то говорил с ней как со взрослым человеком, способным анализировать информацию.

— Тот, кого твой отец считает мертвым, — уголки губ Гу Хао едва заметно дрогнули в подобии улыбки, которая тоже не затронула глаз, но несла в себе тепло. — Десять лет назад компания Min Logistics поглотила мою семейную фирму. Мой отец отказался отдавать контроль над портами. Через неделю его частный самолет упал в Южно-Китайское море. Официальная версия — техническая неисправность. Мин Сюй унаследовал наши активы и стал монополистом. А я выжил. Меня вытащили люди моего деда. Всё это время я ждал, когда крыса выйдет из тени. Кажется, сегодня ночью она са-

ма загнала свою дочь в мою ловушку.

У Юй перехватило дыхание. Воздух вдруг стал густым. Значит, этот мужчина — враг её отца. Сын убитого конкурента. Любой здравый смысл кричал, что нужно бежать. Прямо сейчас, босиком, вниз по пожарной лестнице. Этот человек опасен вдвойне: он миллиардер с жадой мести, и он видит её насквозь.

Но вместо того чтобы вскочить, она почувствовала, как веки наливаются свинцом. Запах его водолазки — дорогой, горький, безопасный — успокаивал лучше любого снотворного.

— Вы хотите убить меня? — спросила она, борясь с подступающим сном. — Чтобы сделать ему больно?

Гу Хао наклонился ближе. Его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от её. В темноте белки его глаз фосфоресцировали. — Если бы я хотел использовать тебя против него, я бы оставил тебя в подвале до утра, — тихо ответил он. — К утру твои пальцы посинели бы от холода, и мы могли бы шантажировать твоего отца видеозаписью твоей агонии. Это было бы эффективно. Но неэффективно оставлять оружие врага в рабочем состоянии. Он протянул руку и осторожно убрал прядь волос с её лба. Жест был настолько непривычным, таким бережным, что по щекам Юй сами собой покатались горячие слезы. Она не плакала годами — внутри всё пересохло. А теперь плотину прорвало.

— Тише, — Гу Хао большим пальцем стер слезу с её ску-

лы. — Тебе больше не придется прятать руки в карманы, Юй. Никто не спросит, почему ты сутулишься. В моем доме зеркала показывают правду, а двери открываются изнутри. Спи. Завтра мы начнем войну за наследство твоей матери. И первый удар нанесешь ты.

Его ладонь легла ей на затылок, слегка массируя основание черепа. Мышцы, сведенные судорогой страха на протяжении десятилетия, впервые за долгое время начали расслабляться. Глаза закрылись сами собой. Последнее, что зафиксировало угасающее сознание перед провалом в глубокий сон — это отсутствие красного мигающего огонька на потолке.

Глава 4. Архитектура лжи

Юй проснулась от запаха кофе и жареного теста. В доме отца утро начиналось с ледяной тишины, звона фарфора о мрамор и взгляда Цзыци, проверяющей весы на кухне. Здесь же пахло ванилью, корицей и чем-то древесным, уютным. Солнечный свет лился в комнату не резким белым потоком, как через панорамные окна особняка, а мягким золотым медом сквозь жалюзи.

Она лежала на огромной кровати одна. Одеяло было тяжелым, но приятным. Юй пошевелила левой рукой — повязка была снята, на месте глубокого пореза красовался идеальный шов тончайшей нитью и новая антисептическая пленка. Кожа вокруг ожога десятилетней давности больше не горела огнем. Кто-то обработал старые рубцы профессиональной регенерирующей мазью.

Селективный мутизм отступил вместе со сном. Горло саднило, но слова формировались без прежнего кома удушья. Она осторожно села. На спинке стула висела чистая одежда: мягкая черная футболка из плотного хлопка и свободные льняные брюки. Размер был подобран идеально — словно Гу Хао заранее знал параметры её истощенного тела.

На прикроватной тумбочке лежал новый кнопочный телефон-раскладушка. Черный, матовый, без логотипов. И банковская карта нейтрального серого цвета. Рядом стояла кро-

шечная нефритовая статуэтка спящего кота. Юй взяла её в руки. Камень приятно охлаждал пальцы. Это была первая вещь за десять лет, которая принадлежала ей по праву нахождения, а не потому, что отец разрешил ей пользоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.